

КАТЕГОРИЯ МЕЖЛИТЕРАТУРНОСТИ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПИСАТЕЛЯ (на примере Швейцарии в ее взаимосвязях с родственными по языку странами)

© 2016 г. В. Д. Седельник

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 15 июля 2016 г.

Аннотация: Проблема национальной принадлежности писателя заявила о себе вместе с началом формирования наций и обострилась на рубеже XIX–XX вв., когда стали возникать теории о превосходстве одной нации над другими. В странах, отделившихся от больших метрополий и пользующихся одним с ними языком (Швейцария, Австрия, Канада и др.), появились трудности с определением национальной принадлежности крупных писателей, таких, как Г. Келлер, Г. Гессе, Р. М. Рильке, Ш.-Ф. Рамю). Возникло напряжение между понятиями «немецкий» и «немецкоязычный», «французский» и «франкоязычный», «английский» и «англоязычный» и т. д. Для решения этой задачи понадобилась особая систематика, отличная от методологии традиционного компаративизма. Ее предложил словацкий ученый Д. Дюришин. В основу нового подхода положена категория межлитературности (межлитературный процесс, межлитературный историзм, межлитературная общность), позволяющая рассматривать функциональные особенности взаимодействия отдельных литератур на более высокой ступени осмысления национально-литературных процессов в широком мировом литературном контексте. Для этого понадобилось обновление всего понятийного аппарата, необходимого для изучения практически необозримого материала литературных синтезов, которые венчает категория единой и неделимой всемирной литературы. Опираясь на данную систематику, автор статьи, развивая ее на примере литературы четырехязычной Швейцарии, показывает, что в рамках «межлитературных общностей» (немецкоязычная Швейцария, Австрия — и Германия), франкоязычная Швейцария — и Франция) идет постоянное взаимообогащение по законам обратной связи. Межлитературные связи предполагают не пассивный обмен «влияниями», а соревновательность, борьбу, в которой утверждает себя то, что лучше соответствует потребностям времени и отвечает имманентным закономерностям литературного развития. Швейцарские писатели, пишущие на немецком, французском или итальянском языке или даже издающиеся в Германии, Франции, Италии, отнюдь не чувствуют себя полноправными участниками литературных процессов названных стран, они там не совсем чужие и не совсем свои, так как являются гражданами другого государства. Но и внутри своей «национальной» общности им неуютно, они страдают от «малости» родных пенатов и тоскуют по широте и величию, по масштабным историческим

событиями, которыми питается литература их собратьев по языку. Этот комплекс противоречий является следствием «двойной национальной принадлежности» (Д. Дюришин). Двойная тут может пониматься и как «двойственная», отмеченная внутренней разорванностью и конфликтностью, а иногда, как показано в данной статье, и подлинным трагизмом.

Ключевые слова: нация, национальная принадлежность, двойная национальная принадлежность, национальное самосознание, Д. Дюришин, категория межлитературности, межлитературная общность, межлитературный процесс, межлитературная систематика.

Информация об авторе: Владимир Денисович Седельник — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: niksedel@mail.ru

THE CATEGORY OF THE INTER-LITERARY AND THE PROBLEM OF THE AUTHOR'S NATIONAL IDENTITY: On the Example of Switzerland and its Literary Ties with the Same-language Countries

Vladimir D. Sedelnik

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: July 15, 2016

Abstract: The problem of the author's national identity manifested itself as part of the nation-making process and aggravated at the turn of the 19th and 20th centuries, with the spread of theories about the superiority of nations. This especially concerned those states that became independent of their mother countries while sharing with them the same language, such as Switzerland, Austria, and Canada; it became difficult to determine the national identity of such major authors as Keller, Hesse, Rilke, and Ramuz. Also, there was tension between such terms as German and German-language, French and Francophone, English and Anglophone, etc. To solve this problem, a special classification different from the methods of traditional comparative studies was needed. Slovakian scholar D. Ďurišin suggested a classification based on the category of the inter-literary (inter-literary process, inter-literary historicism, and inter-literary community) that allows examine the specificity of literary interaction both on the level of national and literary processes and in the global literary context. To fulfil this goal, he had to modernize the entire existing terminology of comparative studies. The author of the essay bears on this classification and applies it to the case of Swiss literature demonstrating how within the framework of "inter-literary communities" such as German-language Switzerland, Austria, and Germany we observe mutual enrichment based on cultural feedback. Inter-literary relations suggest not passive exchange of "influences" but competitiveness and struggle. Swiss authors writing in German, French, and Italian even when published in Germany, France, and Italy do not realize them-

selves as full participants of the literary processes in these countries; they are not altogether alien there but not native either being citizens of a different state. At the same time, they do not feel comfortable even within their own national community, they suffer from the “smallness” of their native land and long for the grandeur of the mother countries, for global historical events that feed the national literatures of the latter. This cluster of controversies is a consequence of the “double national identity” (Đurišin). Double in this case may be also understood as “ambiguous,” characterized by inner fragmentation and conflict and sometimes, as this essay shows, by genuine dramatism.

Keywords: nation, national identity, double national identity, national consciousness, Đurišin, inter-literary, inter-literary community, inter-literary process, inter-literary classification.

Information about the author: Vladimir D. Sedelnik, DSc in Philology, Professor, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: niksedel@mail.ru

Несовпадение «своего» и «чужого» не только в материальной, но и в *духовной, интеллектуальной* сфере было известно с очень давних времен. Как гласит известное античное двустишие, уже в глубокой древности семь городов, т. е. семь государств-полисов, оспаривали друг у друга право и честь называться родиной Гомера: объявить «своим» великого певца означало возвыситься над другими полисами, быть, или, скорее всего, слыть значительнее и духовно богаче их. Еще бы — «подарить» миру такого мастера!

Но это было, так сказать, внутрисемейным спором в границах одного этноса, особой остроты не имело и по тем временам иметь не могло. Более того, и много позже, в Средние века, притязания на интеллектуальную собственность, в том числе и в области литературы, не имели смысла, поскольку нации как таковые еще не сложились и границы между государствами были весьма размытыми. Формирование наций, начавшееся, как известно, в эпоху Возрождения, шло медленно и обрело в немецкоязычном ареале более-менее различимые контуры только к середине XIX столетия, когда уже можно было, правда, с известной долей условности, но уже не по локальному колориту, а по складывающемуся национальному признаку отличить собственно немецкого писателя от австрийского или швейцарского, Теодора Шторма, например, от Адальберта Штифтера или Вильгельма Раабе от Иеремии Готхельфа.

Примечательно, что швейцарские писатели второй половины XIX в., позднее творчество которых «вклинивалось» в порубежную зону (Г. Келлер умер в 1890 г., К.-Ф. Мейер — в 1898 г.), еще не особенно озабочивались своей «национальной» (не путать с этнической) принадлежностью. При этом Г. Келлер, посвятивший родному краю проникновенные стихи, все же верил в возможность образования

новой нации на основе экономического и политического единства, *вопреки* отсутствию общего языка. Он выразил эту веру в чеканных строчках «Отечественных сонетов». Родной язык, говорится в сонете «Швейцарская национальность», — это «душистый материнский каравай», народ неотделим от него, «родная речь — наш вездесущий рай», но она не единственное, за что следует бороться.

А что ее сильнее, ее важней?

Ответ наш прост: единственно свобода.

Она перемешала все языцы.

Потоки дум, мечтаний и страстей

Сольются в реку *одного* народа —

И никогда им не разъединиться.

(Перевод В. Топорова)

Время показало, что «перемешать языцы», особенно такие, как немецкий, французский и итальянский, не так-то просто, даже если в определенный момент этого очень хочется. Населяющие Швейцарию народности так и не стали единым народом, но они стали единой *политической* нацией, к чему Келлер, собственно, и стремился. Кстати, он и в молодые, и особенно в зрелые годы не устал подчеркивать глубинную связь независимых в политическом отношении швейцарцев с культурой и духовной жизнью Германии. Его как художника ничуть не прельщала роль представителя «национальной литературы в захолустье». Еще дальше шел в этом отношении К.-Ф. Мейер. Взлет его творчества в 70-е гг. XIX в. был связан с победой немцев во франко-прусской войне и объединением Германии в 1871 г. рукой «железного канцлера» Бисмарка. Именно в это время Мейер утверждал, что чувствует себя не столько швейцарцем, сколько немцем. Писавший ранее и по-французски, и по-немецки, больше других швейцарских классиков воплотивший в своем творчестве национальную много-составность своей родины (ведь и итальянской, и ретороманской Швейцарии он отдал дань родства и восхищения, избирая их местом действия своих произведений), он остался с тех пор верен немецкому языку. Создание германской империи было воспринято им — на фоне мелочности швейцарских дел — как событие большой исторической важности. Тем не менее оба классика XIX в. несовпадение «своего» и «чужого» хотя и ощущали как некую помеху в определении культурной самоидентичности, но еще не воспринимали как нечто роковое и непреодолимое.

Особую остроту это «несовпадение», превратившись в *проблему*, приобрело на рубеже XIX–XX вв. после франко-прусской (см. по-

зицию К.-Ф. Мейера) и прежде всего после Первой мировой войны, когда в полный голос в Европе начали заявлять о себе националистические взгляды и убеждения, когда стали возникать теории о превосходстве одной нации над другими. Причем эта острота была особенно болезненной в странах, которые отделились от больших языковых образований, претендовали на национальное своеобразие и культурный суверенитет, но пользовались одним языком с метрополией, в нашем случае немецким или французским. Возникла неразбериха, кого из крупных писателей к какой национальной культуре причислять — немецкой, австрийской или швейцарской, французской или романдской (Романдией называют франкоязычные кантоны Швейцарии), французской или бельгийской (Морис Метерлинк)¹; возникло напряжение между понятиями «немецкий» и «немецкоязычный», «французский» и «франкоязычный», «английский» и «англоязычный» и т. д. До сих пор нет *однозначного* ответа на вопрос, к какой литературе относить Готфрида Келлера, Конрада Фердинанда Мейера, Германа Гессе, Райнера Марию Рильке, Эдуарда Рода, Шарля-Фердинана Рамю и многих других. Они фигурируют как в написанных в разные исторические эпохи и под разным углом зрения историях немецкой или французской литературы, так и в историях литератур родственных по языку стран. Проблема эта если не решается (по принципу — *только* немецкий или *только* швейцарский и т. д.), то по крайней мере снимается значением того или иного писателя, его вкладом не только в национальную, но и в мировую литературу.

Возвращаясь к упомянутому в самом начале статьи «спору»: даже если бы одному из городов-полисов и удалось обосновать свои притязания, Гомер все равно не уместился бы в его стенах. Он слишком велик, чтобы быть достоянием одного города, одного государства, одного этноса, одной литературы или одной эпохи. Он явление мирового масштаба, хотя и поддается локализации в пространстве и времени. И даже если бы сам поэт назвал место своего рождения и публично признался в патриотической привязанности к родному углу, от этого ничего бы не изменилось.

Для того чтобы разобраться в проблеме национальной принадлежности писателя, понадобилась специальная понятийно-категориальная методика, особая межлитературная систематика, которая исходит из того, что диалектика взаимодействия «своего» и «чужого» имеет свои законы и неподвластна чьим-либо претензиям или

---

¹ Эта тема затрагивается в монографии Л. Г. Андреева «Сто лет бельгийской литературы» [1], в которой доказательно утверждалось, что такая литература существует, несмотря на теснейшие, неразрывные связи с литературой Франции, хотя понятие «межлитературности» в книге не использовалось.

субъективным желанием. В основе ее — извечное взаимообогащающее противостояние единичного и общего, специфического и универсального. Чем крупнее и значительнее явление, тем меньше оно «свое» в узком смысле слова, тем больше заполняет собой другие сферы, которые кому-то могут показаться чужими, но которые на самом деле тоже свои, хотя и на другом, более высоком уровне. Именно потому, что всемирная литература в том смысле, какой ей придавал Гёте (Weltliteratur), — единый, живой, непрерывно функционирующий организм, у которого есть необходимые для этого функционирующие органы и системы, и возможны литературные связи, импликации, заимствования, типологические схождения, переводы и т. д.; все это в конечном счете — продукты, так сказать, жизнедеятельности данного организма, лежащие на поверхности и скрытые, стертые временем, ушедшие вглубь «следы» его социального бытования.

Отсюда вытекает, что не только диалектику межнационального общения, игру импликаций, перекличку тем и сюжетов, но и важные закономерности литературной жизни отдельных народов и стран невозможно понять на материале одной только литературы, какой бы богатой великими именами и значительной по своему вкладу в мировой литературный процесс она ни была. Поэтому, как представляется, заслуживают всемерной поддержки усилия словацкого ученого Диониза Дюришина, направленные на постижение единства мировой литературы в гётевском понимании — единства, осознаваемого и трактуемого как выражение нераздельности человечества и нерасчлененности мира вопреки всем границам, барьерам и порогам. Межлитературные связи, функциональные особенности механизма взаимодействия культур рассматриваются им не просто как необходимое дополнение к изучению словесности отдельных стран, а как новая, более высокая ступень осмысления национально-литературных процессов в широком и всеохватном мировом литературном контексте. Поскольку такие понятия, как «литературный процесс», «историзм в литературе» и им подобные, возникли первоначально в ходе изучения литератур отдельных стран и наций, Д. Дюришин по вполне понятным соображениям ввел в обиход более точные термины, легшие в основу предложенной им новой систематики, — «межлитературный процесс», «межлитературный историзм» и т. д. Это касается его обобщающих трудов, прежде всего таких, как «Теория межлитературного процесса» (Teória medziliterárneho procesu. Tatran, 1985) и «Систематика межлитературного процесса. Диониз Дюришин и коллектив». Братислава, 1965). Категория межлитературности, принятая в качестве исходной и основополагающей, повлекла за собой глубокое обновление всего понятийного аппарата,

необходимого для плодотворного изучения практически необозримого материала литературных синтезов, которые венчает высшая категория единой и неделимой всемирной литературы.

Надо признать, в нашей стране теория литературы в целом и сравнительно-историческое направление в частности не могут пожаловаться, особенно в последние десятилетия, на отсутствие интереса к своим проблемам. Вырастает общая теоретическая оснащённость литературоведческих работ, множатся методические приемы, обогащается и усложняется технология анализа, в историко-литературных исследованиях, даже предпринимаемых на базе одной литературы, все чаще затрагиваются межлитературные аспекты. Однако отсутствие единой теории и методологии литературоведения, того, что по аналогии с общим языкознанием могло бы называться общим литературоведением (историческая поэтика это понятие не покрывает), неблагоприятно сказывается и на масштабах, и на результатах научных усилий в этом направлении. Если под методологией понимать кратчайший, оптимальный путь к цели, а целью положить полное и адекватное познание мирового литературного процесса в его наиболее характерных проявлениях, взаимосвязях и взаимозависимостях, то станет ясно, насколько важно сейчас преодолеть наблюдающуюся методологическую чересполосицу, устранить дробность и разбросанность научных интересов, прояснить круг основных вопросов, относящихся к методологии современного литературоведения, создать целостную систему литературоведческих понятий, с помощью которых можно было бы подступиться к решению этой поистине грандиозной задачи.

Межлитературная систематика, неутомимым приверженцем которой выступал Д. Дюришин, появилась не вдруг, она давно пробивала себе дорогу, преодолевая не только инерцию исследовательского мышления, но и внутреннее сопротивление материала, оттачивая и совершенствуя инструментарий, углубляя представления о сложности своего объекта — мировой литературы. Она была бы просто невысказима без опоры на сравнительно-исторический метод, на большой и ценный опыт в систематизации взаимосвязей между национальными литературами, а также и между более крупными регионами — межлитературными общностями. Не случайно ее автор был одним из крупнейших и авторитетнейших специалистов в области теории сравнительно-исторического изучения литературы [4].

Не в меньшей мере необходимость появления новой систематики связана и с тем, что традиционная компаративистика все чаще стала пасовать перед сложностью и масштабностью задач комплексного изучения межлитературного процесса. Ее терминология,

понятийный аппарат в свое время возникали и утверждались на базе национальных литератур, без учета фактора межлитературности. Поэтому даже когда намечались прорывы к новому осмыслению накопленных фактов, старый понятийный аппарат вставал на пути далеко идущих обобщений и тормозил дальнейшее движение исследовательской мысли, вынуждая ее скатываться к проблемам периферийным, частным. Одно из главных достоинств новой систематики видится прежде всего в том, что она не ограничивается постановкой общих методологических вопросов, а предлагает совокупность научных приемов и способов обработки материала, продуманную и целостную технологию анализа межлитературного процесса, идущую рука об руку с общей теорией и методологией литературоведения.

Надо признать, традиционной компаративистике давно уже было тесно в сложившихся границах, она пыталась забирать шире, посягала на предметы соседних, смежных наук, прежде всего истории и теории литературы, привлекала к анализу другие виды искусств — музыку, живопись, театр, кино, изобретала новые объекты исследования, например, имагологию — сумму национальных стереотипов, т. е. повторяющихся, расхожих представлений одного народа о другом, которые проявляются не в одной только литературе и которые, думается, должны изучаться не литературоведением, а скорее социологией или социальной психологией. Ответвление сравнительного литературоведения, тяготеющее к системности, все чаще выступает в одной упряжке с литературоведением общим или с тем, что под этой категорией понимается, о чем свидетельствует широкое распространение таких словосочетаний, как «General and Comparative Literature», «Littérature générale et comparée», «Allgemeine und vergleichende Literaturgeschichte». Симбиоз этот говорит о теоретической неуверенности компаративистики, нуждающейся в более надежном поводе, чем собственная методология. Но его же можно понимать как своего рода реакцию на распространенную практику сугубо прагматической, без теоретического осмысления, инвентаризации фактов и почти полного отказа от методологически аргументированного объяснения их функциональной роли в историко-литературном процессе, в результате чего компаративистика столкнулась с опасностью превратиться в научную дисциплину без собственной теории.

Как бы там ни было, но за более чем столетнее изучение контактно-генетических, а затем и системно-типологических связей и сходжений оно так и не вышло из стадии предварительных и частных разработок, не пробилось к содержательному ядру межлитературного процесса, к тому, что Д. Дюришин называет «механикой высшего

синтеза литературного развития» [7, с. 27], механикой, в которой синхронический и диахронический аспекты, статика и динамика, теория и история сливаются в нерасторжимое и гармоническое единство. В этой связи не выглядит таким уж парадоксом, что именно Д. Дюришин, автор многих работ по теории сравнительно-исторического изучения литературы, ставит под сомнение употребление термина компаративизм как единственного для изучения межлитературных связей и схождений. Тут даже не парадокс, а скорее закономерность: двигаться вперед и предлагать новые идеи и подходы к изучению литературы может только тот, кто до конца постиг возможности старых, так сказать, унаследованных систематик, их недостаточность в решении встающих перед наукой задач.

К тому же, как не раз отмечал в своих работах Д. Дюришин, хотя сравнение как прием для установления связного разнообразия, лежащее в основе компаративистского подхода, и играет доминирующую роль в процессе идентификации сопоставляемых объектов, оно не должно абсолютизироваться, возводиться в ранг методологического принципа. Сравнение — всего лишь рабочий прием среди многих других приемов, средство для достижения цели, но не сама цель. Уже выбор сравниваемых объектов нередко оказывается важнее самого сравнения, ибо он диктуется общей постановкой вопроса, а сравнение может использоваться в разных систематиках, с разными методологическими точками отсчета. Сам факт включения тех или иных литературных связей в контекст принимающей или принимаемой литературы требует выхода за пределы чистого сопоставления, имплицитно создает адекватной системы отношений. Однако реализация содержательных систем, требующая не только анализа, но и синтеза, оказалась компаративистике не по плечу. Игнорировать это обстоятельство означало бы стать потенциальной жертвой восприимчивости компаративистики к чужеродным воздействиям. Вспомним, что стоявший у истоков сравнительно-исторического метода Д. Л. Бец так и не сумел вырваться из сферы притяжения литературоведческого позитивизма (Г. Г. Гервинус, В. Шерер), а столь много сделавший для насыщения компаративизма проблемами общего литературоведения Р. Уэллек надолго застрял в сфере американской «новой критики», отрывавшей литературу от других форм духовной деятельности человека и в конечном счете уводившей изучение литературы от искомого единства. Д. Дюришин такой опасности избежал; более того, его систематика исключает рецидивы национального, мировоззренческого или иного изоляционизма. Удачное сочетание в ней исторического и теоретического аспектов, синтезированных в категории межлитературного историзма, последовательно проведенный принцип сопряжения анализа с синтезом,

четкое разграничение аналогий и конвергенций с учетом их генезиса и функциональной роли в процессе взаимодействия помогли выявить и осознать новое онтологическое качество литературы — ее бытование на *межлитературном* уровне, ее типологическую основу. «Можно сказать, что типология представляет собой такую стадию изучения межлитературных связей и схождения, на которой эмпирика идет рука об руку с теорией, одновременно перекидывая мост между национально-литературным и межлитературным историзмом» [7, с. 21].

Вот этот мост и ставят под сомнение, а нередко и пытаются разрушить те, кто привык делить духовное наследие человечества на «свое» и «чужое», забывая при этом, что не менее важную, чем этносы и нации, роль в развитии мировой культуры играли на определенных этапах истории человечества над-этнические культурные целокупности, связанные с крупными религиозными или идеологическими движениями (буддизм, христианство, ислам, марксизм). На заре человеческой истории процесс, по-видимому, шел в сторону расширения духовного пространства, которое первоначально, надо думать, и вообще было единым². Начиная с эпохи Возрождения процесс пошел в другом направлении — в сторону *сужения* культурных полей, *дробления* надэтнических образований, их дифференциации по национальному признаку. Это, однако, отнюдь не значит, что данная тенденция — от более широкого к более узкому, от общего к единичному, от универсального к специфическому — задана навсегда и будет сохраняться в будущем; обратное движение — подчинение национального начала более масштабным категориям — наблюдалось и раньше (достаточно вспомнить такую общность, как не так давно распавшаяся «многонациональная советская литература»); несомненно, она будет заявлять о себе и впредь, и чем дальше, тем, по мере осознания единства мира и неделимости земной цивилизации, настойчивее. На смену одним геополитическим противостояниям придут другие, быть может, еще более непримиримые и мощные, и они будут втягивать в свои орбиты все новые страны и этносы.

Таким образом, специфическое и универсальное, национальное и интернациональное представляют собой две стороны, два полюса диалектического единства. Одно предполагает другое, одного не бывает без другого. С образованием национальных литератур наднациональные, надэтнические общности не исчезают за ненадобностью, они видоизменяются, приспособляются к новым историческим условиям и, в свою очередь, оказывают воздействие на формирование этих условий. Национальное невозможно осознать вне универсального, ор-

² Если лингвисты говорят о «праязыке», то, очевидно, можно говорить и о «пра-литературе», даже если она существовала на уровне устного народного творчества.

границей частью которого оно является, точно так же как само это универсальное и его роль в истории могут быть познаны только в свете обратной с ним связи его национальных составляющих.

Вычлняясь из более широких культурных общностей, конституируясь, воздвигая для защиты своего суверенитета и своей специфики языковые и прочие барьеры, национальные государства и, соответственно, национальные культуры тем не менее сохраняют свои связи («мосты») с надэтническими образованиями. Это закономерность межлитературного развития, ее волевыми усилиями можно ослабить, приглушить, но совсем устранить нельзя, ибо это означало бы полную изоляцию, неизбежное оскудение и смерть литературы и любого другого вида искусства. В рамках межлитературных общностей идет постоянное взаимное обогащение по законам обратной связи. Общая типологическая основа служит источником схождения в мировидении, генетике, стиле, что не мешает, а, наоборот, способствует расцвету отдельных литератур при условии, что они не утрачивают своего национального своеобразия. Межлитературные связи предполагают не пассивный обмен «влияниями», а соревновательность, соперничество, борьбу, в которой утверждает себя то, что не только больше соответствует потребностям времени, но и лучше отвечает имманентным закономерностям литературного развития. Об этом непрекращающемся противоборстве как форме существования (точнее, сосуществования) отдельных литератур в рамках той или иной межлитературной общности хорошо сказал швейцарец Ш.-Ф. Рамю:

«Подлинная интернациональная литература <...> не обходится без конфликтов, схваток, раздоров, разногласий, взаимных недоразумений. Вопреки утверждениям апостолов ложного мира, интернациональная литература — это война, которая никогда не кончается... Каждая литература ищет признания <...> независимо от того, хочет она этого или нет» [13, p. 168].

Рамю не уставал повторять о своей принадлежности ко всему региону франкоязычной культуры, но в то же время остро ощущал неповторимое своеобразие романдской литературы, частью которой он был и хотел оставаться, когда его приглашали встать на позиции интернациональной пролетарской литературы, обещая снятие мучившего его противоречия двойной национальной принадлежности — к Франции и к швейцарскому кантону Во, который, по его словам, «никогда не был частью французской нации» [14, p. 18].

Ссылка на представителя швейцарской литературы в этом контексте не случайна: именно эта страна и ее литература (или, если

угодно, литературы) дает массу примеров интерферирующего взаимоналожения литератур и вытекающих отсюда последствий. Тот же Шарль-Фердинан Рамю (1878–1947) в молодые годы десять лет провел в Париже и признавался, что именно в этом городе «познал самого себя» и стал писателем. Вернувшись на родину, он до конца жизни оставался в своем родном кантоне Во, чувствуя себя не столько швейцарцем, сколько «водуазцем». Идея швейцарской «политической нации», о которой любили поговорить идеологи гельветизма, казалась ему подозрительной; он чувствовал себя бесконечно ближе к Парижу, чем, скажем, к Цюриху или Берну. Рамю отлично понимал, что борьба за духовную независимость — задача жизненно необходимая, но и чреватая опасностью доморощенной ограниченности, т. е. тем, что в сфере культуры обозначается словом «регионализм». Политическая и духовная автономия Швейцарии его не привлекала, а, скорее, отпугивала. Но и Франция не была для него родиной — ни в политическом, ни в духовном плане. Он не без гордости отмечал, что водуазцы никогда не были подданными французских королей, что они всегда шли своим путем и в политике, и в искусстве, и настаивал на праве по-своему, «по-водуазски», иногда противореча нормам и правилам французского языка, писать о том мире, который он знал и считал своим, в то же время не делая его «особым случаем» и не отделяя от мировой целокупности.

Внешней канвой своей человеческой и писательской судьбы близок Рамю писавший по-немецки Роберт Вальзер (1878–1956). Он родился в швейцарском городке Биле, рано заявил о себе как о талантливом, с собственным видением мира и пониманием стиля писателя и поэта, в 1905 г. отправился в Германию, в Берлин, создал там свои лучшие произведения, но, так и не добившись коммерческого успеха (как художник, он намного опередил свое время и был по достоинству оценен только спустя полвека), вернулся в 1915 г. в швейцарское «захолустье», которое тоже не приняло его за «своего». Швейцарцы с завидным единодушием отвернулись от своего земляка. В отличие от Рамю, который прославлял водуазских крестьян, видя в них людей широкой души и истинного благородства, Вальзер с его вышучиванием мещанского благонравия, с его гимнами бедняку, свободному от соблазнов скопидомства, был чем-то чужеродным в быстро богатевшей и творившей миф о своей «исключительности» Швейцарии. И хотя о его творчестве на рубеже веков с восхищением и уважением писали такие авторитетнейшие художники слова, как Гуго фон Гофмансталь, Стефан Цвейг, Герман Гессе, Роберт Музиль, ему так и не удалось при жизни, которую он закончил нищим в приюте для душевнобольных, утвердиться в литературе немецкоязычного региона. И только в 1960-е гг. молодое поколение швейцарских писателей

стало видеть в нем выдающегося мастера и своего учителя, а в Германии он стал фигурировать среди крупнейших представителей модернизма, его признали одним из обновителей литературного кода. Тем самым он стал писателем «двойной» национальной принадлежности.

Столь позднее признание объясняется присущим швейцарской литературе рубежа веков (особенно немецкоязычной) феноменом «стилевого запаздывания» (*Stilverspätung*). В то время как в приграничных странах происходило стремительное обновление литературы и искусства, в Швейцарии преобладало недоверие к любым новшествам, нежелание расставаться с прошлым. Авангардистские импульсы почти не находили распространения, гасились в зародыше, воспринимались как нечто совершенно чуждое и враждебное швейцарскому менталитету. Влиятельные литературоведы и критики Адольф Фрай, Отто фон Грайерц, Йозеф Виктор Видман, Фриц Марти и др. сходились в том, что все «модернистские» стилевые направления от натурализма до экспрессионизма для Швейцарии непригодны. Оглядываясь на эту эпоху, прозаик и критик Роберт Фези писал в 1922 г.:

«Для поколения писателей, вступивших в литературу на исходе столетия <...> все главное и существенное было уже сделано. Готхельф, Келлер, Мейер завершили свой творческий путь, но их живое воздействие продолжалось с такой силой и давало такие импульсы, каких не могло дать литературное обновление в Германии и остальной Европе с их новомодными натуралистическими, символическими, психологическими и прочими ценностями» [8, s. 39].

Полтора десятилетия спустя ему не без гордости вторил критик Готфрид Боненблуст:

«Натурализм, неоромантизм, экспрессионизм не прошли бесследно. Но наша литература не подпала под влияние ни Золя с Ибсеном и Достоевским, ни поздно признанного Гельдерлина, ни эстетических вывертов эпохи диких потрясений. Не бывает иного стиля, кроме судьбоносного. У нас есть наша судьба, наш стиль, наше летоисчисление» (Цит. по: [9, s. 471]).

Нельзя сказать, что литература «родного угла» с ее склонностью к почвенничеству и культивированию локальных особенностей не несла в себе ничего положительного и лишь по недоразумению пользовалась успехом у не очень взыскательных читателей не только в Швейцарии, но и в Германии, и в Австрии. Регионалисты были искренне озабочены напором городской цивилизации, угрозой загрязнения и разрушения окружающей среды. Воспевая прекрасные альпийские

долины и демократические деревенские общины, они воспитывали любовь к родному краю, трудолюбие, нравственную стойкость, умение переносить тяготы жизни. Проповедуемый ими патриотизм был лишен агрессивных ноток, свойственных уже тогда немецкой областнической литературе, а укорененность в родной почве так и не обернулась тем явлением, которое в Германии получило название «литературы крови и почвы». Им был неведом релятивизм, нигилизм и скепсис их немецких и французских собратьев, они верили в силу слова и создавали поэтический мир, в большей мере желаемый, нежели реально существующий. В широком спектре европейских художественных течений рубежа веков они находились на полюсе, прямо противоположном авангардистскому экспериментаторству. И, хотя они ориентировались на германский рынок и большей частью издавались в немецких издательствах, никому и в голову не приходило назвать их писателями «двойной» национальной принадлежности.

Вообще говоря, швейцарские писатели, пишущие на немецком, французском или итальянском языке и ориентированные на соответствующие культурно-языковые регионы (или даже издающиеся в Германии, Франции и Италии), отнюдь не чувствовали (и не чувствуют себя сегодня) полноправными участниками литературных процессов названных стран, они как бы стоят в стороне, они гости на чужом пиру, зрители. Они тут не совсем чужие, так как пишут на одном языке со своими коллегами из метрополии и выросли в одной и той же духовно-культурной среде, но и не совсем свои, так как являются гражданами другого государства. От этого они чувствуют себя неуютно. Но и внутри своей «национальной» (или стремящейся к тому, чтобы стать национальной) общности им (по крайней мере некоторым из них, не узким регионалистам) тесно и неуютно, они страдают от узости и «малости» пенатов, тоскуют по широте и величию, по масштабным историческим событиям, которыми питается литература их собратьев по языку. Собственно, такой комплекс противоречий и является следствием «двойной национальной принадлежности», о которой пишет в своих работах Д. Дюришин. Двойная тут может пониматься и как «двойственная», отмеченная внутренней разорванностью и конфликтностью, а иногда и подлинным трагизмом. Такое происходит, когда большой писатель по тем или иным причинам отгораживается от культурной жизни метрополии и замыкается в мирке своего швейцарского региона. Примером может служить судьба нобелевского лауреата 1919 г. Карла Шпиттелера (1845–1924), одного из крупнейших швейцарских писателей рубежа XIX–XX вв., пользовавшегося до Первой мировой войны широкой известностью в Германии. Обеспокоенный обострившимися на этнической почве отношениями между немецкоязычными и франкоязычными кантонами

Швейцарии, он выступил с программной речью «Наша швейцарская точка зрения» (1915), в которой осудил германский экспансионизм и призвал к внутришвейцарской консолидации; с тех пор книжный рынок Германии, где его речь была встречена с возмущением, был для него потерян. Из писателя двойной национальной принадлежности он из-за своей в высшей степени благородной, пронизанной тревогой за судьбы Конфедерации речи в одночасье превратился в писателя как бы сугубо швейцарского (на деле он, разумеется, таковым не был), что до сих пор сказывается на признании его места и роли в немецкоязычной литературе.

Пример противоположного свойства — судьба Якоба Шафнера (1875–1944), безусловно крупного прозаика, которого в 1910–1920-е гг. прошлого века ставили в один ряд с Г. Келлером, К. Ф. Мейером и Г. Гессе. Трагическая эволюция Шафнера протекала под знаком борьбы со швейцарской узостью. Рано осиротевший сын швейцарца и немки, столкнувшись с неподвижностью «отцовского» мира, стал мечтать о широких просторах и величественных свершениях, о слиянии со сферой «материнского мифа». В конце концов он последовал зову «тысячелетнего рейха», стал признанным бардом «истинно германского духа» и председателем Союза германских писателей — того самого союза, из которого были изгнаны или ушли по доброй воле лучшие мастера немецкой литературы. Поставив свой талант на службу неправому делу, он попал в полосу затяжного творческого кризиса и кончился как крупный художник.

Значительно сложнее родословная и связанный с ней вопрос о национальной принадлежности Германа Гессе. Писатель обстоятельно разъяснил ситуацию в письме в берлинское издательство «С. Фишер» (февраль 1936 г.), отвечая на упреки нацистского журналиста В. Веспера в том, что он, якобы будучи подданным рейха, трусливо сбежал в Швейцарию в трудные для Германии годы Первой и Второй мировой войны. Гессе писал:

«Веспер утверждает, что я-де родом из рейха и отец мой был подданным рейха. На самом деле я сын прибалта, который в момент моего рождения еще был русским подданным, но пятьдесят лет тому назад (вскоре после 1880 года) приобрел для себя и своей семьи швейцарское и базельское гражданство. <...> Подданным рейха я сделался позже, в возрасте неполных четырнадцати лет. Мои родители внесли меня (одного меня, а не себя и не всю семью) в гражданские списки Вюртемберга, так как мне предстояло там учиться и сдавать государственные экзамены». И далее Гессе продолжает: «Веспер утверждает, что я трусливо покинул свое отечество в 1914 году, когда страна вела тяжелейший бой с врагами. И здесь этот простофиля лжет — и делает

это вполне намеренно, ибо точные даты ему известны. Он знает, что я возвратился в Швейцарию не в “боевом 1914 году”, как он утверждает, а раньше, в 1912-м, среди всеобщего мира и благоденствия. <...> Как бывший швейцарский гражданин, я имел право после возвращения в Швейцарию в течение десяти лет безвозмездно восстановить подданство. Но чтобы, так сказать, не дезертировать во время войны и в первые послевоенные годы, я пренебрег этим правом и снова стал швейцарцем лишь в 1923 году. Тем временем мой брак был расторгнут, моя жена потребовала для себя и для трех наших сыновей восстановления своего исконного гражданства (она происходила из старинной базельской семьи). Таким образом, три моих сына были швейцарцами, я же был немцем только по бумагам: проживал я в Швейцарии; сыновья мои, подобно мне и их матери, говорили на швейцарском диалекте и должны были служить в швейцарской армии — понятно, что теперь и я приобрел для себя швейцарское подданство» [2, с. 160–161].

В этом письме Гессе приводил только факты, но избегал политических оценок своих поступков. На самом деле, он не принимал реваншистских настроений и воинственного духа, царивших в Германии в канун и во время Первой мировой войны. В 1915 г. в письме к Т. Хойсу, будущему президенту ФРГ, с которым он тогда издавал журнал «Март», Гессе писал, что если милитаристский курс Германии будет продолжаться, то он станет швейцарцем. Вспыхнувшая во время революционных событий 1918 г. надежда на преобразование Германии лишь отсрочила проведение в жизнь этого решения.

Примечательно, что в своем последовательном неприятии Веймарской республики Гессе оказался пронизательнее многих своих коллег. Наиболее полно его отношение к новому немецкому государству отразилось в письмах Гессе к Томасу Манну, в их полемике по поводу упорного нежелания Гессе быть членом Берлинской академии. В феврале 1931 г. он писал Т. Манну: «Я не потому не доверяю нынешнему государству, что оно новое и республиканское, а потому, что оно кажется мне недостаточно новым и республиканским» [2, с. 48]. 1933 г. не был для Гессе неожиданностью: такой поворот событий он предсказывал еще в 1920-е гг. Нарастающая фашизация Германии все больше сближала писателя со Швейцарией. Весной 1933 г. он признавался Т. Манну, что события в Германии теперь затрагивают его значительно меньше, чем во время войны. «Чем больше становится лозунгом единство с господствующей идеологией, тем крепче моя вера в органическое начало, в правомочие и необходимость также и таких функций, которые ненавистны коллективному сознанию. О том, являются ли мои мысли и поступки немецкими, судить не берусь. Из своего германства вылезти не могу и верю, что мой индиви-

дуализм и мое сопротивление, моя ненависть к известным немецким аллюрам и фразам — все это тоже функции, отправляя которые я служу не только себе, но и своему народу» [2, с. 239].

Приведенные примеры подтверждают вывод Д. Дюришина, что «двойная литературная принадлежность представляет собой органическую, конститутивную принадлежность творческой личности и ее творчества двум или нескольким литературным системам» [5, с. 22] и что это явление исторически переменчивое, в разных литературах проявляющееся по-разному. Разобраться в такого рода функциональных изменениях можно только на базе изучения специфических признаков межлитературного общения в тот или иной исторический период, что не исключает, а, наоборот, предполагает глубокое знание конкретных национальных литератур и творчества конкретных писателей.

Проблема национальной принадлежности, т. е. проблема «своего» и «чужого» была и остается особенно важной для швейцарской литературы. Она связана прежде всего с осознанием швейцарцами самих себя, своей устойчивости как государственного образования. Именно швейцарцу Беату фон Муральту (Мюра) (1665–1745) принадлежит первая в европейских литературах попытка набросать портреты наций, что означало и пока еще робкую попытку осознать самобытность своего народа; его «Письма об англичанах и французах» (*“Lettres sur les Français et les Anglais,”* 1694–1695) были изданы в 1725 г. Сопоставление «своего» и «чужого» проходит и дальше через всю швейцарскую литературу, выявляя неоднозначность и переменчивость проблемы. Защита «своего» совпадает порой с защитой стабильности и патриархальности Швейцарии от вторжения новых «чужих» социальных отношений (И. Готхельф, Ш.-Ф. Рамю), порой осознается как сковывающая узость (М. Фриш, Ф. Дюрренматт). Соотношения «своего» и «чужого» многозначны и подвижны, с модифицированными функциями выражения межлитературности. Именно они выступают константой развития четырехязычной швейцарской литературы, выступая общим и потому объединяющим признаком ее основных языковых ареалов.

Само собой разумеется, соединительные скрепы между этими ареалами возникали за счет взаимовлияний, контактов и связей. Но каждая из ветвей швейцарской литературы развивалась как бы сама по себе, не нуждаясь в других, черная больше в культурах одноязычных государств и не только в них (в XVIII в., к примеру, французское влияние вытесняется в Швейцарии мощным воздействием английской культуры). Общее эстетическое пространство швейцарской литературы, если воспринимать ее как слабо обозначенную цельность, возникает на другой почве — из близких друг другу в различных частях страны общественных, политических, нравственных представлений.

Швейцарская нация — это «нация по желанию» (Wunschnation), общность, возникшая на основе взаимного желания жить вместе, выраженного представителями разных этносов. Но одного желания мало. Вряд ли можно без оговорок согласиться с Ф. Штрихом (1882–1964), считавшим нежелательным разрыв между политическим суверенитетом и духовной культурой народа и утверждавшим, что «Швейцария не только с политической точки зрения представляет собой европейский микрокосмос, в котором различные племена — германские и романские, связанные единым законом и правом, общей историей и общей судьбой, путем свободного волеизъявления и органического роста сплотились в единую общность; это единство охватывает и сферу культуры, а значит и литературы» [16, s. 8]. Все попытки подчеркивания интеграционных моментов, а они не прекращались никогда, выражают не реальное состояние общества и культуры, а именно желание, интенцию, цель и стимул. Другое дело — идея посредничества между европейскими культурами. Тут заслуги швейцарцев действительно велики (во французской Швейцарии, к примеру, существует пять переводов «Фауста» Гете на французский язык).

Примечательно, что художественное своеобразие каждой из ветвей швейцарской словесности отнюдь не определяется зависимостью от литературного развития метрополии. В отличие от собственно немецких писателей, Г. Келлер высоко ценил французский классицизм; то же можно сказать о К. Ф. Мейере и К. Шпиттелере. Зато женевец А. Амьель, их современник, классицизма не принимал, называя его «ареной риторики», и полагал, что в нем нет места для лирики, мечты, движения души. Он опирался скорее на немецкий романтизм, для которого, как и для самого Амьеля, душа была единственной реальностью, а так называемая действительность — только тенью души, плодом воображения. Кстати, романтическую струю во французскую литературу тоже ввели «швейцарцы по происхождению» — Жермена де Сталь и Бенжамен Констан. А еще раньше великий поворот в художественной ориентации XVIII в. «от французов к немцам» совершил «жениевский гражданин» Ж.-Ж. Руссо. В немецкой Швейцарии романтизм не нашел благоприятной почвы для развития, зато во французской ему отдали обильную дань А. Вине, А. Амьель, Р. Тепфер, Э. Рамбер, Э. Род и др. Если в первой половине XIX в. психологизм отличает прежде всего романдскую литературу, то в начале XX в. им отмечено творчество крупнейшего писателя немецкой Швейцарии Роберта Вальзера. Обобщенный психологизм И. Готхельфа, напротив, ближе в XX в. романдскому классику К. Ф. Раю.

Стойкими для всех ответвлений швейцарской литературы остаются только те немногие общие свойства, которые выросли на почве общей государственности.

Проблематична принадлежность Ж.-Ж. Руссо, а тем более Ж. де Сталь и Б. Констана к швейцарской литературе. Это писатели прежде всего французские. Но, следуя в данном случае примеру швейцарских историков литературы (работы Ф. Жоста), можно увидеть ряд оснований для рассмотрения их в швейцарском контексте как писателей двойной принадлежности. Имеется в виду не столько швейцарское происхождение Руссо (на родине, в Швейцарии, его, как известно, не только почитали, но и преследовали) и не столько местоположение замка Коппе («кружок Коппе», возглавлявшийся Ж. де Сталь) на берегу Женевского озера. Куда более существенно то, что идеи Руссо питались швейцарским свободомыслием, что перед его глазами прошло народное восстание 1738 г. в Женеве, что его политические мечтания вдохновлялись крестьянской общиной, образом жизни швейцарских крестьян. Кружок Коппе включал в себя людей разной культурной ориентации (наряду с уроженцами романской Швейцарии Ж. де Сталь и Б. Констаном, прожившими большую часть жизни во Франции и глубоко связанными с французской культурой, в него входил и бернец К. В. Бонштеттен, писавший то на немецком, то на французском языке). Вдохновлявшая Ж. де Сталь идея культурной относительности должна быть соотнесена со швейцарской духовностью, открытой многоязычному европейскому миру. Поэтому все же прав был Ф. Штрих, когда писал: «Если мы бросим взгляд на блестящую плеяду универсально-европейских художников от Муральта до Бонштеттена, от госпожи де Сталь и Констана до Келлера, Мейера, Шпиттелера и Рамю, мы почувствуем дыхание мировой литературы, как ее понимал Гёте» [16, s. 13].

Универсальный дух действительно помогает сохранять противоречивое единство в сфере культуры не только Швейцарии, но и других стран, представляющих собой особые межлитературные общности, он смягчает национальные, этнические различия, предохраняет их литературы от сползания к изоляционизму и провинциализму. Понять и адекватно оценить механику функционирования этих литератур можно только используя принцип межлитературности. В пределах межлитературной систематики проблема национальной принадлежности утрачивает свою остроту и роковую предопределенность.

И все же языковая и, следовательно, литературная *напряженность*, лежащая в основе проблемы национальной принадлежности художника, явно или подспудно существует в каждой стране, входящей составной частью в межлитературную общность, например, в Бельгии, Канаде, Испании или Люксембурге. И дело не в том, чтобы эту напряженность устранить (такое происходит только при полной ассимиляции одного народа другим), а в том, чтобы не доводить ее до опасного

предела. Собственно, сам конкретно-исторический материал подводит к пониманию неоднозначности многих процессов, происходящих в рамках особых межлитературных общностей, и к выводу о недопустимости абсолютизации того или иного фактора. Применительно к таким общностям, особенно там, где, как в Швейцарии, сталкиваются в рамках одного государства широко распространенные языки и культуры, вряд ли можно говорить о какой-то особой устойчивости, они постоянно в движении, их основной типологический признак — хрупкое равновесие разнонаправленных факторов, для достижения которого нужны и сознательные усилия общества, и терпимость по отношению к тому, что в данный момент противится «программной комплементарности» (выражение Д. Дюришина). Если устойчивость достигается за счет подавления одного из компонентов равновесия, то накопление внутренних противоречий рано или поздно достигает критического уровня и кладет конец мнимому благополучию, о чем свидетельствует недавняя дезинтеграция «советской» или «югославской» литературы. И, соответственно, для писателей СССР и Югославии отпала проблема «двойной национальной принадлежности». Они стали просто русскими, белорусскими, сербскими, словенскими и т. д. художниками. Тектонические процессы в национальном самосознании народов, то тут, то там сотрясающие привычный миропорядок, — это не только проявление неожиданно возросшей тяги к национальному самоопределению, к истокам языка и культуры, это еще и доказательство жизнеспособности культурно-этнического организма, факт его дыхания, его систолы и диастолы. Все, что живет, должно меняться, развиваться, и, чем свободнее, чем естественнее это будет происходить, тем лучше.

Поэтому, на наш взгляд, существует опасность слишком жесткой систематизации теоретических понятий, намечившейся в трудах Д. Дюришина и направленной на создание «цельной и единой теоретико-методологической системы» [3, с. 2]. Может ли система обладать единством и цельностью при отсутствии этих качеств у самого предмета исследования? Разумеется, совокупность методологических и методических принципов должна тяготеть к известной цельности (иначе какая же это система?), но в то же время в ней должно быть заложено то, что противилось бы неизбежным спутникам каждого победившего научного направления — канонизации и догматизации. Надо признать, такой элемент в новой систематике есть, это сама категория межлитературности, предполагающая оппозицию, диалог, взаимный обмен, сочетающая в себе тенденции конвергенции и дивергенции. И все же следовало бы особо подчеркнуть широту взгляда на всемирную литературу, главенство принципа борьбы противоположностей как гаранта всякого естественного развития.

Не случайно примером и образцом такого развития называют именно Швейцарию, сумевшую обеспечить в рамках единого государства мирное сосуществование не просто разных народностей, но народностей, отделившихся от крупнейших европейских этносов — немцев, французов и итальянцев — и продолжающих испытывать сильнейшее духовное тяготение к своим метрополиям. Однако Швейцарская конфедерация, несмотря на рыхлость и бесспорную добровольность соединительных уз (или, скорее, именно благодаря этой добровольности), устояла в двух мировых войнах, которые не затронули ее непосредственно, но устроили серьезное испытание государственно-политическому единству германоязычных и франкоязычных кантонов. Безусловно, симпатии первых были на стороне Германии, а вторых — на стороне Франции, особенно в Первой мировой, когда еще не было отпугивающего жупела — идеологии расизма. Во Второй мировой войне сторонники нацистов объявлялись во всех языковых регионах Швейцарии, не обязательно в немецкоязычном: расизм и национализм — болезни заразные. Тот факт, что внешне не очень прочно сколоченное государство, в котором центральная власть всегда была слабее властей кантональных, выдержала испытание на разрыв, говорит о существовании какой-то загадочной интеграционной силы, способной противостоять мощнейшим притяжениям извне. Сила эта — сложившееся на протяжении столетий совместной жизни *национальное самосознание*, каким бы неполным и урезанным оно ни казалось со стороны. Считая себя швейцарцами и гордясь таким званием (которое, кстати, фиксируется в удостоверениях личности в графе «национальность»), жители, а вместе с ними и писатели этой страны хотят в то же время оставаться алеманами, романдцами, тессинцами, ретороманцами. Видимо, своеобычность национального сознания зависит не только от языка, каким бы мощным ни был этот фактор; она вытекает из совокупности характерных признаков народа, сложившихся в определенное время, на определенной территории и в определенном социуме. Ими же определяется и *национальный характер*, который, наряду с народностными признаками, обладает и общешвейцарскими чертами, к которым относят практичность, «приземленность», любовь ко всему, что устойчиво и приносит выгоду, заботу об интересах общины, склонность к компромиссам.

Без конкретизации исходных функций межлитературного процесса, без подхода к швейцарской литературе как комплексу особых межлитературных общностей невозможно определить ее специфику, уложить ее в рамки только «национальной» или только суммы «народностных» литератур. Поэтому, вероятно, так разнятся мнения в оценке швейцарского феномена. Одни — по большей части литературоведы и публицисты консервативного склада — усердно творят миф

о «единстве в многообразии», основательно приукрашивая языковую и социокультурную ситуацию в этой стране. Они рисуют прямо-таки идиллическую картину мирного взаимопроникновения разнородных культурных импульсов в «многоязычной» или «четырёхязычной» Швейцарии, создавая ошибочное впечатление, что жители этой страны чуть ли не повально изъясняются на нескольких языках и даже читают на них художественную литературу³. Языковое и культурное многообразие, рожденное полилингвизмом и полилитературностью, они рассматривают не только как фактор возможного (но, к сожалению, не всегда получающегося) взаимообогащения, но и как мощный стимул интеграции, единения, слияния, как нечто уникальное, неведомое и недоступное другим странам [11, s. 10; 6, p. 224]. Другие — среди них большинство писателей — склоняются к тому, что культурное единство и ставшее притчей во языцех многоязычие — фикция, что в духовном отношении Швейцария распадается на четыре крайне слабо связанных друг с другом языковых и литературных региона, демонстрирующих по отношению друг к другу полнейшее равнодушие, а временами и враждебность [12]. Подвергается сомнению и достославная посредническая функция Швейцарии, о которой в свое время так много писали Ф. Эрнст и Ф. Штрих [16]. «Но имеем ли мы право посредничать между культурами, не решив культурных проблем внутри страны?» — задается вопросом прозаик и публицист Хуго Лечер и, естественно, дает на него отрицательный ответ [10, s. 3]. Культура и литература Швейцарии рассматриваются многими как противоестественный конгломерат отколовшихся от своих метрополий маргинальных придатков, тяготеющих не к межлитературному диалогу, а к замыканию в себе, к регионализму. В качестве примера приводится многолетняя борьба, которую вела франкоязычная Юра за отделение от немецкоязычного кантона Берн и которая увенчалась в 1978 г. образованием еще одного самостоятельного кантона. Правда, в этом случае отделились не только швейцарцы, говорящие по-французски, от швейцарцев, говорящих по-немецки (точнее, на бернском диалекте немецкого), но и католики от протестантов, что немаловажно, если учитывать обострившиеся в современном мире конфессиональные проблемы.

Принято считать, что многоязычие несет с собой больше проблем, чем преимуществ, в том числе и для литературы. Одной из таких проблем в последнее время стало резкое обострение языковой ситуации в немецкой Швейцарии. Как известно, немецкий здесь издавна использовался в качестве «письменного языка» (Schriftsprache) и языка «межнационального общения»: с иностранцами и земляками из других кантонов немецкие швейцарцы общались на немецком, а меж-

³ Подробнее об этом см.: [17; 18; 15].

ду собой — почти исключительно на диалектах, объединяемых понятием «швицердюч» — немецко-швейцарского языка. Лавинообразное распространение со второй половины XX в. «швицердюч» застало швейцарцев врасплох не только потому, что оно привело к исчезновению немецкого из повседневной жизни, но и потому, что пугающе обозначилось обострение межрегиональных, межнациональных и межлитературных отношений. Романдцы и тессинцы стали жаловаться на засилье диалекта. Владея в той или иной степени немецким, они не понимают своих сограждан в повседневном общении. Все чаще на вопрос, заданный по-немецки в Лозанне, Женеве или Невшателе, немецкий швейцарец отвечает на диалекте, что воспринимается как бестактность или как демонстрация превосходства алеманского большинства перед языковыми меньшинствами. Однако дело здесь в другом: разговорный немецкий для жителей немецкоязычных кантонов — иностранный язык; чтобы перейти на него со своего родного диалекта, необходимо преодолеть языковой барьер, что не так просто. Происходит как бы «голландизация» диалекта, т. е. превращение его в особый «национальный» язык, в «нео-швицердюч», до предела упрощенный, синтезировавший основные диалекты и вобравший в себя массу французских слов и выражений. Им сегодня пользуются во всех областях жизни, в том числе и в качестве письменного, литературного: художественная продукция на «швицердюч» все заметнее становится пятой ветвью швейцарской словесности, и, стало быть, для пишущих по-немецки проблема «национальной принадлежности» усложняется — из двойной становится тройной. Практически вся радио- и теледраматургия (т. е. то, что должно восприниматься на слух) пишется на диалекте; вариант на литературном немецком создается чаще всего только в том случае, если предполагается постановка пьес и в других немецкоязычных странах, в Австрии и Германии. В связи с этим возникают интересные модификации основных функций художественного перевода (перевод «в уме», когда писатель, например, Макс Фриш или Фридрих Дюрренматт, сразу пишет немецкий вариант, переводя с родного диалекта, на котором он думает, на письменный язык. Получается *тройная* переводческая принадлежность: диалектная литература, литература на письменном немецком языке, используемом в Швейцарии (в нем тоже есть свои особенности), и литература метрополии. Эти модификации еще нуждаются в специальном исследовании.

Государственная политика Швейцарии благоприятствовала повышению роли общешвейцарского в межлитературных общностях, т. е. развитию комплементарной функции, стимулирующей интеграционные тенденции в рамках общности на основе государственно-политического единства. Но происходило это без нажима, интенциаль-

ная комплементарность не подавляла (за исключением «роковых» 1930–1940-х гг.) комплементарность эволюционно-историческую, активно проявляющую себя в трех особых межлитературных общностях (немецкоязычной, франкоязычной и италияязычной), возникших на основе монолингвизма. Пожалуй, швейцарская конфедерация действительно может рассматриваться как своего рода модель, на которой можно изучать закономерности и проблемы сосуществования разных языков, литератур и культур в рамках одного административно-политического образования, а также способы разрешения этих проблем. Внешние (государственные) границы этого образования в нормальных (т. е. мирных) условиях значительно более проницаемы для инокультурных влияний, чем внутренние (языковые) границы, но и языковые *пороги* в результате осторожной и дальновидной политики не становятся непреодолимым препятствием для межкультурного общения. Противостояние культур уравнивается их взаимодействием, умело культивируемой потребностью во взаимопознании, непрекращающимся диалогом, причем диалогом, не навязываемым «сверху», а органично вытекающим из конкретной ситуации.

Говоря о взаимосвязанности таких понятий, как многоязычие, межлитературность, национальное самосознание и национальная принадлежность художника, необходимо сказать еще об одной характерной черте, присущей именно данному межлитературному комплексу (и типологически сходным с ним), — о существовании некоего разрыва в национальном самосознании, точнее, о «зазоре» между социально-административно-политическим «национальным» сознанием и фактом принадлежности к другой «национальной общности» — немецкой, французской или итальянской. Первый элемент этого разорванного самосознания основывается на сознательном решении, на политической воле, второй — на глубинных пластах подсознания, которые не всегда проявляются в осознанных действиях, но тем не менее чрезвычайно важны для бытования культуры в широком национальном контексте. Чувство двойной, а то и тройной (кантон, Швейцария, Германия) сопричастности не только определяет вполне конкретные закономерности межлитературного процесса, но и существенно осложняет жизнь каждого писателя, обуславливает его перманентную внутреннюю «разорванность». В многослойности, постоянной изменчивости и глубинной противоречивости национального самосознания швейцарского писателя, интеллигента, деятеля культуры заключены не только остро ощущаемая потребность в равновесии на уровне сознания и подсознания, но и фактор развития, возможность черпать из нескольких источников, которые этот писатель по праву считает своими. Сложность и подвижность предмета

исследования, его известная модельность, повторяемость в других типологически сходных явлениях требует от нового понятийного аппарата, открывающего многообещающие возможности научной идентификации национальных литератур и межлитературных общностей, как широты охвата межлитературного процесса, так и гибкости методологии исследования, тонкости конкретных методик. Тем более что проблема национальной принадлежности писателя и — шире — деятеля науки и культуры, обострившись на рубеже XIX–XX вв., продолжала оставаться актуальной на протяжении всего XX в. и остается злободневной в наши дни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Андреев Л.Г.* Сто лет бельгийской литературы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 164 с.
- 2 *Гессе Г.* Письма по кругу. М.: Прогресс, 1987. 400 с.
- 3 *Дюришин Д.* Межлитературные общности как выражение закономерностей мировой литературы // *Slavica Slovaca*. Bratislava, roč. 23/ S. 2.
- 4 *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. 318 с.
- 5 Проблемы особых межлитературных общностей. М.: Наука: Восточная лит., 1993. 264 с.
- 6 *De Rougemont D.* La Suisse ou l'histoire d'un peuple heureux. Paris: Hachette, 1965. 105 s.
- 7 *Đurišin D.* Systematika medziliterárneho procesu = Систематика межлитературного процесса / D. Đurišin a kolektív. Bratislava: Veda, 1988. 196, 130 s.
- 8 *Faesi R.* Gestalten und Wandlungen der schweizerischen Dichtung. Zehn Essays. Zürich; Leipzig; Wien, 1922. 302 s.
- 9 *Linsmayer Ch.* Nachwort // Frühling der Gegenwart. Schweizer Erzählungen 1890–1950. Bd. 1. Hrsg. von Andrea und Charles Linsmayer. Frankfurt am Main, 1990. S. 471.
- 10 *Loetscher H.* Alphorn mit Bambus // Fassaden. Zürich. N 3. Winter 1986.
- 11 *Lüthy H.* Die Schweiz als Antithese. Zürich: Verlag der Arche, 1969. 48 p.
- 12 *Miederhauser R.* Geschichten aus der Geschichte der Deutschschweiz nach 1945. Darmstadt und Neuwied: Luchterhand, 1983. 297 s.
- 13 *Ramuz Ch.-F.* Lettres. 1919–1947. Paris: Grasset, 1959. 386 p.
- 14 *Ramuz Ch.-F.* Oeuvres completes. Lausanne: Librairie Gründ, 1949. T. 2. VXII + 254, il.
- 15 *Sonderegger S.* Die viersprachige Schweiz: zwischen Geschichte und Zukunft. St. Gallen: Hochschule St. Gallen für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften, 1981. 24 s.
- 16 *Strich F.* Goethe und die Schweiz. Zürich: Artemis-Verl., 1949. 43, (3) s.
- 17 *Weilemann H.* Die vielsprachige Schweiz. Basel; Leipzig: Im Rhein-Verlag, 1929. 301 s.
- 18 *Zinsli P.* Vom Werden und Wesen der mehrsprachigen Schweiz. Bern: Feuz, 1964. 35 s.

REFERENCES

- 1 Andreev L.G. *Sto let bel'gijskoi literatury* [Hundred years of Belgian literature]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1966. 164 p. (In Russ.)
- 2 Hesse H. *Pis'ma po krugu* [Rundbriefe]. Moscow, Progress Publ., 1987. 400 p.
- 3 Ďurišin D. Mezhliteraturnye obshchnosti kak vyrazhenie zakonomernosti mirovoi literatury // *Slavica Slovaca* [Inter-literary communities as a term conveying the patterns of world literature]. Bratislava, roč. 23/ S. 2.
- 4 Ďurišin D. *Teoriia sravnitel'nogo izucheniia literatury* [Theory of Comparative Literary Studies]. Moscow, Progress Publ., 1979. 318 p.
- 5 *Problemy osobykh mezhliteraturnykh obshchnosti* [The Problems of Specific Inter-literary Communities]. Moscow, Nauka: Vostochnaia lit. Publ., 1993. 264 p. (In Russ.)
- 6 De Rougemont D. *La Suisse ou l'histoire d'un peuple heureux*. Paris, Hachette, 1965. 105 s.
- 7 Ďurišin D. *Systematika mezhliterárneho procesu — Систематика межлитературного процесса* / D. Ďurišin a kolektív. Bratislava, Veda, 1988. 196, 130 s.
- 8 Faesi R. *Gestalten und Wandlungen der schweizerischen Dichtung. Zehn Essays*. Zürich, Leipzig, Wien, 1922. 302 s.
- 9 Linsmayer Ch. Nachwort // *Frühling der Gegenwart. Schweizer Erzählungen 1890–1950*. Bd. 1. Hrsg. von Andrea und Charles Linsmayer. Frankfurt am Main, 1990. S. 471.
- 10 Loetscher H. Alphorn mit Bambus // *Fassaden*. Zürich. N 3. Winter 1986.
- 11 Lüthy H. *Die Schweiz als Antithese*. Zürich, Verlag der Arche, 1969. 48 p.
- 12 Miederhauser R. *Geschichten aus der Geschichte der Deutschschweiz nach 1945*. Darmstadt und Neuwied, Luchterhand, 1983. 297 s.
- 13 Ramuz Ch.-F. *Lettres. 1919–1947*. Paris, Grasset, 1959. 386 p.
- 14 Ramuz Ch.-F. *Oeuvres completes*. Lausanne, Librairie Gründ, 1949. Vol. 2. VXII + 254, il.
- 15 Sonderegger S. *Die viersprachige Schweiz: zwischen Geschichte und Zukunft*. St. Gallen: Hochschule St. Gallen für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften, 1981. 24 s.
- 16 Strich F. *Goethe und die Schweiz*. Zürich, Artemis-Verl., 1949. 43, (3) s.
- 17 Weilemann H. *Die vielsprachige Schweiz*. Basel, Leipzig, Im Rhein-Verlag, 1929. 301 s.
- 18 Zinsli P. *Vom Werden und Wesen der mehrsprachigen Schweiz*. Bern, Feuz, 1964. 35 s.